
ЕВРАЗИЙСКОЕ ПРОСТРАНСТВО: ИНТЕГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ И РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ УПРАВЛЕНИЯ

УДК 341.1/.8

ББК 67.91

DOI 10.22394/1682-2358-2021-5-21-30

A.G. Uporov, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Department of State Legal Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

TRANSNATIONAL CORPORATIONS IN THE LIBERAL POWER-SHARING SYSTEM: INTERNATIONAL LEGAL ASPECT

The phenomenon of transnational corporations in the context of the modern liberal system of distribution of power and the current state of its international legal regulation are considered. The position of transnational corporations in the modern world order and the concept of its legal status are investigated, and conclusions are drawn about the need to assign transnational corporations the status of a subject of international legal relations.

Key words and phrases: transnational corporations, liberalism, power.

A.G. Упоров, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института ФСИН России (email: uporov65@mail.ru)

ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ВЛАСТИ: МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

Аннотация. Анализируется феномен транснациональных корпораций в современной либеральной системе распределения власти, изучается его международно-правовое регулирование. Исследуется положение транснациональных корпораций в современном мироустройстве и концепт их правового положения. Делается вывод о необходимости присвоения транснациональным корпорациям статуса субъекта международно-правовых отношений.

Ключевые слова и словосочетания: транснациональные корпорации, либерализм, власть.

Транснациональные корпорации в контексте современного либерального мироустройства играют одну из центральных ролей, поскольку именно они являются передовыми субъектами экономических отношений. Значительное

увеличение числа транснациональных корпораций, а также сосредоточение огромных финансов и производственных мощностей в секторе влияния транснациональных корпораций в очередной раз ставит вопрос о необходимости правового урегулирования данного феномена либеральной эпохи. Необходимость регулирования детерминруется прежде всего тем фактом, что сфера действия транснациональных корпораций приобрела небывалые масштабы и фактически распространяется на все сферы общественных отношений. В силу колоссальных экономических возможностей данная разновидность юридических лиц приобрела существенное политическое влияние на государство и общество. Для подробного обоснования необходимости регулирования целесообразно рассмотреть специфические отличительные черты современного либерального мироустройства.

Современный либеральный мир в буквальном смысле пронизан идеями абсолютной свободы каждого отдельно взятого индивида, об этом в первую очередь необходимо говорить в контексте дискурса обоснования собственного «Я» через призму собственной личности и свободы. Либерализм как идеология невмешательства любого рода административно-распорядительных отношений в рыночные отношения уже давно исчерпал себя как теория «экономическая», на данный момент либерализм стал явлением универсальным и распространился на гораздо более широкий спектр общественных отношений, чем на исключительно экономические, поскольку сама человеческая природа стремится к некоторого рода «товарообмену», даже в контексте отношений, не связанных с экономикой.

Человек реализует собственную субъективную общественную и социальную роль прежде всего через отношения, выраженные в разного рода инвестициях в какие-либо составляющие общественного и социального бытия, приобретение социально полезных связей. Форма инвестиции в социальное бытие, выраженное в приобретении навыков социализации, для личности означает приобретение очередного способа удовлетворения собственных потребностей социального характера, то есть подобное социальное взаимодействие с другими субъектами носит характер приобретения выгоды в долгосрочной перспективе. Точно так же в обратном порядке: когда человек теряет одну из социально полезных связей, он платит за это лишением некоторых социальных возможностей. Следовательно, главная характерная особенность либеральной системы управления кроется именно в крайней степени эгоцентричности субъекта этой системы. Подобное обоснование проблематики в контексте дискурса политической философии становится возможным благодаря антропологической детерминанте эволюции со-

временного человека. «Номо оeconomicus» — человек экономический, человек, мыслящий самого себя с позиции прежде всего экономической, то есть самоидентифицирующего себя с товаром и некоторой вещественностью [1, с. 73].

В контексте общественного действия, через которое раскрывается либеральная парадигма распределения власти в существующем гибриде цифрового и общественного пространства, представляется как перманентное заключение множественных сделок, связанных в первую очередь с его собственной телесностью. Иными словами, человек постоянно вынужден считаться с существующими концептами присутствия третьего в своем бытии, некоего рода наблюдателя, находящегося в положении сверх позиции, которая раскрывается в модальности монистической концепции контроля такой категории бытия, как «bios» [2, с. 10]. Данная категория в философии итальянского постструктуралиста и продолжателя мысли М. Фуко Дж. Агамбена указывает на единственно верный способ организации бытия каждого субъекта общественных отношений, в том числе и целых групп, с позиции наблюдающего.

В ситуации современного либерального мироустройства, когда капитал приобрел экстерриториальную форму в связи с цифровой революцией и как следствие слияния ранее разделенных общественного и цифрового пространства в единое общественно-цифровое, необходимо отметить и то, что на данный момент власть окончательно отстранилась от концепции территориальности, при этом превалирует концепт суверенности реализации экономической природы как отдельного человека, так и группы людей, объединенной различного рода интересами и потребностями.

Явление государства как неотъемлемого и конструктивного признака современного миропорядка стремительно отходит на задний план. Ретроспектива института государственности в качестве некоего администратора общественного бытия позволяет утверждать, что в доцифровую эпоху единственно возможным способом существования человека и общества было государство, которое в силу своей исключительной и трансцендентальной природы служило инструментом саморегуляции общественного тела, обладающего внутренней логикой самореализации, в контексте репродуктивности и обеспечения стабильного и бесперебойного существования своих внутренних конструктивных органов, предназначенных для организационного воздействия на такую категорию бытия, как «Zoe» — явление жизни не в контексте общественной самореализации, а жизни, присущей всему живому и обозначающей сам факт жизни как таковой [2, с. 10].

Жизнь как предмет властного воздействия в территориальном концепте власти раскрывалась во множестве форм, но всегда сводилась к явлению дисциплинирования субъектов общественных отношений даже на микроуровне. Сама культура как конструктивный и индивидуализирующий признак государственности в своей сущности носит сугубо дисциплинарный характер, поскольку существование нормы общественного поведения выраженного как в законе, так и в культуре, в сущности своей имеет одну и ту же цель своего действия — дисциплинирование субъекта. Культура в данном концепте выступает некоторым атрибутом глубинного бессознательного элемента сознания каждого отдельно взятого индивида в концепте безукоризненного следования заданным парадигмам поведения, то есть культура — это один из инструментов общественного тела, предназначенный для классификации, индивидуализации и дисциплинации каждого индивида [3, с. 301]. Подобный механизм самозащиты общественного тела служит для фильтрации собственного организма от элементов, выпадающих из концепта общей модели поведения, а соответственно, и существенно нарушающих установленный и дисциплинированный общественный порядок.

Переход от концепта власти консервативной к либеральной обусловлен главным образом изменением концепции производства общественных благ. Если же в эпоху суверена он сам осуществлял определяющую политику производства, то концепт постсуверенного устройства производства общественных благ вышел из-под строгого надзора суверена и вылился в фактически ничем не урегулированную сферу общественных отношений, детерминированную развитием методологии коммуникации индивидов в обществе предцифровой эпохи и, как следствие, выхода данной сферы из сферы контроля суверена, что в целом и привело к уходу подобных форм государственного устройства в прошлое.

Цифровая революция середины XX в. привела к тому, что ранее отлаженно функционирующий механизм суверенной власти, имевший, казалось бы, несокрушимый и основательный фундамент, пришел в полную непригодность и несостоятельность в связи с несоответствием средств и методов осуществления власти суверена со сложившимися условиями общественно-цифровой реальности.

Современность характеризуется текучестью, более не существует подлинно устойчивых форм организации власти. «Власть повсюду не потому, что она все охватывает, но потому, что она отовсюду исходит» [4, с. 54], данный тезис М. Фуко наиболее полно характеризует современное перераспределение власти в обществе тотальной неустой-

чивости. Власть в либеральной эпохе представлена не обособленным и выделенным из общества публичным властным образованием, а всей совокупностью субъектов общественных отношений, которые реализуются, как правило, в действиях и своего рода инвестициях в целях удовлетворения собственной эгоистической сущности. Эгоистичность и индивидуальность современной эпохи детерминирована адаптивностью к стремительно изменяющимся условиям цифровой эпохи одних субъектов общественных отношений и полной неспособностью к адаптации других.

В наибольшей степени в современном мире успешен тот, кто в условиях сформированной гиперреальности способен в большей степени адаптироваться к неконтролируемым цифровым потокам информации и огромным банкам информации. Неконтролируемый и фактически неограниченный доступ к огромным объемам разнородной информации предоставляет субъектам эфемерный, но в то же время соответствующий современной эпохе способ самореализации как общественного тела, так и собственного «Я» [5, с. 147].

Экстерриториальность современной государственности обуславливается принципиально новыми формами реализации власти на современном эфемерном цифровом пространстве, которое в каждый момент собственного существования находится в состоянии некоторой подвешенности, поскольку обилие симуляции и симулякров на данный момент коренным образом перераспределяет власть, симуляция способна в момент перевернуть представление о реальной обстановке в ситуации постмодерна.

Проблематика либерализма кроется именно в том, как реализовать свободу каждого отдельного индивида в условиях невмешательства во взаимодействия между ними, без установления рамок нормального поведения; ирония и некоторая теоретическая несостоятельность теории либерализма кроется в том, что природа человеческого бытия изнутри пронизана внутренней логикой дисциплины и обусловленностью необходимостью подчинения им в угоду общественного блага, в связи с этим теория невмешательства в дела другого неизбежно вступает в конфликт с самой природой человека.

Либерализм стремится к некоторого рода сверхпозиции, выраженной в обеспечении подлинных свобод в неизбежно дисциплинированной системе человеческого общежития, то есть свобода в либеральной системе распределения власти представлена некоторой абстракцией и фикцией, в теории существующей в рамках некоторой государственности, которая, в свою очередь, должна обеспечивать соблюдение правил делового оборота и сохранения принципиальной честности

совершения различного рода сделок. В таком контексте государство не ослабляет свое влияние на экономические и общественные отношения, а существенно укрепляет свои позиции и, кроме того, создает системы перманентного надзора за каждым, прикрываясь благим намерением.

В своей сущности либерализм представляет собой наиболее дегуманизированную концепцию распределения власти в современном общественном пространстве, поскольку мнимое наличие прав и свобод в условиях диктатуры экстерриториальных глобалистических форм капиталистических образований в полной мере реализуют свою в некотором роде inferнальную сущность, выраженную в тотальном нарушении провозглашенных прав и свобод, а также ведении в заблуждении субъектов общественных отношений путем активного использования различного рода симуляций и симулякров.

В настоящее время транснациональные корпорации, являющиеся порождением общества потребления, представляют собой наиболее приспособленные к современным условиям цифровизации и глобализации образования. Либерализм становится новой формой организации производственных мощностей, в том числе абстрактных прав и свобод. Сложившееся в условиях либерализма общество потребления сформировало особую внутреннюю логику реализации товаров. По сути товар — это то, что произведено на фабрике и являет собой не более чем архаизм давно ушедшей эпохи суверенного капитализма; транснациональные корпорации не продают товары, они в первую очередь продают бренд и определенную культуру потребления, неразрывно связанную с самим брендом. Современному потребителю совсем не интересно качество потребляемого им товара, его интересует прежде всего внутренняя абстрактная составляющая самого бренда, его сакральная составляющая, непомерно спекулирующая на эгоистических чувствах потребителя. Потеря самоидентификации личности в эпоху либерализма привела к феномену индивидуальной самореализации через общедоступные вещи, то есть идентификация собственного «Я» через призму вещей [6, с. 120].

Транснациональные корпорации в погоне за безграничной выгодой и внутренней логикой корпоративного эгоизма, как правило, не считают с условиями сложившейся социальной и общественной обстановки, потому что сосредоточение огромной доли финансов в руках одной транснациональной корпорации позволяет им реализовывать собственную эгоистичную сущность через прямое воздействие на законодательные и административные органы любой формы осуществления власти. По сути, транснациональные корпорации в современном

мироустройстве реализуют функцию закулисного кукловода, в то же время находящегося у всех на виду.

Еще в первой половине XX в. феномен Фордизма с его уникальной корпоративной политикой в отношении собственных сотрудников позволял продемонстрировать уникальность положения транснациональных корпораций в системе распределения власти. Компания Ford, ориентированная прежде всего на производство массовых товаров, попросту вытеснила всех своих конкурентов с рынка в связи с устойчивой кадровой политикой. Г. Форд создал уникальную систему привязки кадров к собственной компании главным образом через навязывание потребления товаров собственного производства и предоставления льготных условий на приобретение жилища и прочего; подобное отношение к собственным сотрудникам позволило сформировать династическую смену кадров в корпорации. Сегодня практически все транснациональные корпорации придерживаются схожей кадровой политики, что позволяет привязывать свои кадры к себе на долгое время. По сути, транснациональные корпорации формируют своего рода родину своих сотрудников [7, с. 111].

Эпоха текучести и мобильности отодвигает на второй план территориальное представление о власти и переводит его в состояние экстерриториальности. Кроме того, введенное Фуко понятие гверноментальности, которое подразумевает собой абстрактную форму отстранения понимания власти от государства, и представление его в контексте вездесущей монистической формы существования власти в реальном общественном и социальном пространстве [8, с. 378]. Подобное явление позволяет утверждать, что либеральное распределение власти разделяет позицию эгоизма каждого отдельно взятого, стремящегося к индивидуальной свободе субъекта, но постоянно находящегося в рамках дисциплинирования на данный момент уже не государственных образований, а гораздо более могущественных транснациональных корпораций.

Транснациональные корпорации уже давно фактически включены в полноценные международно-правовые отношения и, кроме того, международное сообщество признает необходимость регуляции столь могущественных субъектов экономических отношений, в то же время не являющихся полноценными субъектами международного права. Подобное уникальное положение транснациональных корпораций попросту позволяет в юридическом плане при влиянии на геополитические процессы оставаться в тени и не создавать никаких юридических последствий своих действий.

Регулирование деятельности транснациональных корпораций зафиксирована в Декларации и Программе действий по установлению но-

вого международного экономического порядка (май 1974 г.), Хартии экономических прав и обязанностей государств (декабрь 1974 г.) и в ряде других документов международных организаций. Во исполнение юридических актов ООН была создана межправительственная Комиссия по транснациональным корпорациям (КТНК) и вспомогательный орган — Центр по транснациональным корпорациям (ЦТНК). По обстоятельствам принятых КТНК решений сформирована межправительственная рабочая группа по разработке кодекса поведения ТНК, утвержденная ООН 5 августа 1976 г. [9, с. 72].

В соответствии со ст. 2 Хартии экономических прав и обязанностей государств «каждое государство имеет и должно свободно осуществлять полный постоянный суверенитет над всеми своими богатствами, природными ресурсами и экономической деятельностью, включая право на владение, использование и эксплуатацию»; в этой же статье обозначено положение о том, что каждое государство вправе контролировать транснациональные корпорации в пределах своей юрисдикции [9, с. 73]. Следовательно, ответственность за регулирование деятельности транснациональных корпораций возлагается на государство присутствия, но, как показывает сложившаяся практика функционирования транснациональных корпораций, часто не государство диктует подобному образованию свои условия, а транснациональная корпорация навязывает государству свои условия и вынуждает его действовать так, как прежде всего выгодно корпорации, поскольку государство находится в более уязвимом экономическом и, как следствие, политическом положении, чем транснациональная корпорация. Достойным внимания является тот факт, что из ста наиболее крупных экономик мира 52 — транснациональные корпорации и лишь 48 — государства [10, с. 76]. Таким образом, транснациональные корпорации на современном этапе развития экономики начинают доминировать над государствами, а поскольку в любого рода отношениях всегда превалирует экономический базис, можно сделать вывод о том, что и в политическом плане транснациональные корпорации становятся весьма влияющими субъектами. Невозможно заявлять о полноценном правовом регулировании транснациональных корпораций на национальном уровне, когда корпорация нередко является более влиятельным субъектом, чем государство.

Отметим, что транснациональные корпорации из-за своего неопределенного международно-правового статуса иногда прибегают к так называемому «паразитированию» в некоторых государствах, что, в свою очередь, выливается в очевидное нарушение прав человека, так как на данный момент не существует норм международного права, содержащих в себе ответственность транснациональных корпораций за

нарушение прав человека [11, с. 220]. Иллюстрирующим примером «паразитирования» могут служить такие транснациональные корпорации, как Unocal Corporation и Royal Dutch/Shell. Первая при проведении строительства нефтепровода в Мьянме неоднократно использовала принудительный труд и перемещение людей, пытки, причем. Эти действия осуществлялись не самой корпорацией, а военными силами Мьянмы, которые в силу экономической подчиненности и коррумпированности стали зависимыми от корпорации. Вторая корпорация обвинялась в том, что привлекла нигерийские вооруженные силы для подавления протестных волнений против проведения ряда изыскательских работ в регионе Огони. Корпорация, по мнению истца, снабжала нигерийские вооруженные силы техникой, вооружением и прочим в обмен на подавление протестных волнений и преследование лидеров движений. Оба этих события носят антигуманный характер, вскрывающий сущность транснациональных корпораций, выраженную в апофеозе эгоизма и погони за извлечением выгоды любой ценой [12, с. 181]. Кроме того, ни в первом, ни во втором случае транснациональная корпорация не была привлечена к ответственности, кроме материальной, что в целом не составляет особого дискомфорта корпорациям с многомиллиардным оборотом.

Транснациональные корпорации в современном мире занимают главенствующую роль как в экономической, так и в политической сфере, в связи с чем невозможно отрицать тот факт, что они сегодня превосходят государства как в политическом, так и в экономическом плане. В связи с этим абсолютно логичен вывод о том, что современный концепт международного права, перекладывающий вопрос регулирования деятельности транснациональных корпораций на национальное законодательство, не является эффективным. Необходимо переосмыслить концепт международного права в контексте правосубъектности транснациональных корпораций. Невозможно также отвергать факт существенного влияния транснациональных корпораций на систему распределения власти в современном мироустройстве.

Признание транснациональных корпораций субъектами международного права позволит вывести их из тени неконтролируемости, поскольку в таком случае на них будут возложены те же права и обязанности, что и на классических субъектов, и, кроме того, появится множество механизмов привлечения к ответственности за нарушение норм международного права при осуществлении своей деятельности [13, с. 323]. Процесс абстрагирования транснациональных корпораций зашел настолько далеко, что современный миропорядок уже невозможен без их существования, поэтому нет необходимости проти-

востояния данному явлению как чему-то сугубо негативному; по сути, феномен современных транснациональных корпораций обуславливает формирование принципиально новой экономической и политической вехи развития человечества.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что современное мироустройство уже не сможет должным образом функционировать. Наиболее рациональным ходом, позволяющим предотвратить множество нарушений международного права, на наш взгляд, является предоставление статуса субъекта международного права транснациональным корпорациям.

Библиографический список

1. *Казанцев Н.С.* Биополитическая технология свободы: проблема либерального управления в философской теории М. Фуко // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение: Вопросы теории и практики. 2017. № 5(79). С. 73–76.
2. *Агамбен Дж.* Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь. М., 2011.
3. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с франц. С.Ч. Офертаса; под общ. ред. В.П. Визгина, Б.М. Скуратова. М., 2002. Сер.: Новая наука политики.
4. *Низовцев Д.Б.* Проблема власти в работах Мишеля Фуко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 4. С. 49–57.
5. *Бодрийяр Ж.* Фатальные стратегии / пер. с франц. А. Качалова; науч. ред. Д. Дамте. М., 2018.
6. *Фромм Э.* Бегство от свободы / пер. с англ. А.В. Александровой. М., 2019.
7. *Бауман З.* Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб., 2008.
8. *Фуко М.* Рождение биополитики: курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1978–1979 учебном году. СПб., 2010.
9. *Ашавский Б.М.* Транснациональные корпорации в аспекте международного права (сквозь призму разработки кодекса поведения) // Государство и право. 2011. № 5. С. 72–79.
10. *Иванникова Е.В.* Монополизация международных рынков крупнейшими транснациональными корпорациями // Актуальные вопросы развития мировой и модернизации российской экономики: сборник научных трудов / под общ. ред. С.Г. Ерохина. М., 2017. С. 73–79.
11. *Упорова Е.Г.* Историческая роль Министерства юстиции в законопроектной деятельности // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики : материалы юбилейной XX Всероссийской научно-практической конференции (Новокузнецк, 28–29 октября 2020 г.) / отв. ред. А.Г. Чириков. Новокузнецк, 2020. С. 217–220.
12. *Натапов С.Л.* Ответственность транснациональных корпораций за нарушение международного права прав человека // Бизнес в законе. 2008. № 3. С. 180–184.
13. *Яценко Д.В., Московенко И.В.* Проблемы правового регулирования деятельности транснациональных корпораций // Бюллетень науки и практики. 2019. Т. 5, № 1. С. 320–326.